

Будаев Э. В., Чудинов А. П.
Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия
АМЕРИКАНСКАЯ

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТОЛОГИЯ:
НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Дана характеристика начального этапа в американской лингвистической советологии как направления в исследовании советской политической коммуникации.

Ключевые слова: лингвистическая советология, Советский Союз, США, политическая коммуникация, история науки.

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
E-mail: aedw@rambler.ru

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, проректор по научной и инновационной деятельности, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.
E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Budaev E.V., Chudinov A.P.
Nizhny Tagil, Ekaterinburg, Russia
**THE INITIAL STAGE
OF LINGUISTIC SOVIETOLOGY
IN THE USA**

ГСНТИ 16.21.27, 16.01.07
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The paper reviews the initial stage of the US linguistic sovietology considered as the direction of research into Soviet political communication.

Key words: linguistic sovietology, the Soviet Union, political communication, history of science.

About the author: Budaev Eduard Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

Contact information: 622031, Sverdlovskaya obl., g. Nizhny Tagil, ul. Krasnogvardeyskaya, d. 57.

About the author: Chudinov Anatoliy Prokopievich, Vice-rector for Academic and Innovative Activities, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Несмотря на то, что термин «советология» появился лишь в конце пятидесятых годов, реальная история лингвистической советологии начинается вскоре после возникновения Советского государства, когда в западных СМИ появились первые материалы, освещающие революционные изменения в России, в том числе ту роль, которую играли пропаганда и агитация.

В современной науке термин «советология» воспринимается как «зонтичный», как общее наименование целого ряда относительно автономных научных направлений: вполне обосновано выделение политической, экономической, лингвистической, культурологической, юридической и иных видов советологии [Будаев, Чудинов 2009а, 2008, 2007].

Коммуникативные особенности революционного дискурса закономерно привлекали внимание зарубежных специалистов, которые стремились понять, почему народ поверил большевикам и как им удалось удержать власть. Эти материалы сначала носили исключительно информационный характер, они относились к дискурсу СМИ, но постепенно при изучении советской политической коммуникации начали использоваться научно-исследовательские методики. Вместе с тем российские исследователи все чаще стремятся выявить специфику восприятия советской страны зарубежными специалистами [Касьянко 1987; Тихий 2000; Третьяченко 2010 и др.]. В подобных публикациях более полно представлены политическая и экономическая советология, тогда как

лингвистическая советология еще ждет своего описания: до сих пор не выделены хотя бы основные этапы ее развития. Однако ясно, что при ее периодизации невозможно в полной мере опереться ни на политическую историю Советского Союза, ни на историческую стилистику русского языка (историю русского литературного языка советского периода), ни на историю политической советологии. Вместе с тем данные всех названных научных направлений оказываются очень значимыми для правильного осмысления истории лингвистической советологии.

При рассмотрении истории лингвистической советологии мы выделяем пять основных этапов ее развития [Будаев, Чудинов 2009а, 2009б, 2008, 2007].

Первый из них – этап становления – относится к периоду с 1918 года до конца второй мировой войны. Особенности этого периода связаны с тем, что практически одновременно создавались и политическая лингвистика, и политическая советология, а левые идеи были весьма популярны в Северной Америке, Западной Европе и других регионах. В европейской политической лингвистике этого времени используются преимущественно общелингвистические методы и приемы исследования, тогда как на американском континенте преобладают исследования, выполненные в рамках общей теории коммуникации, социологии и политологии.

Второй этап приходится на период холодной войны, когда идеологическое противостоя-

ние было максимально обостренным и многим казалось, что близится начало третьей мировой войны. Именно в эти годы многие западные советологи стремились найти общие черты в советском и фашистском политическом дискурсе, хотя советским специалистам кощунственной казалась уже сама попытка такого сопоставления. Вместе с тем именно на этом этапе советология полностью сформировалась как научное направление, в котором использовались самые современные для того времени научные методы (контент-анализ, квантитативная семантика, риторическое исследование текста, структурные методы, анкетирование и др.). В этот период европейская советология испытывала максимальное идейное и методологическое воздействие с американской стороны. Это воздействие проявлялось не только в идейно-политической гегемонии, но в том, какие методы и приемы использовались при изучении теории и практики коммуникации в Советском Союзе.

Третий этап совпадает со временем «разрядки» в отношениях между Советским Союзом и США, между странами Варшавского договора и НАТО. Угроза прямого военного столкновения отчасти миновала, но сохранялась острая идеологическая борьба, которая сопровождалась боевыми действиями во Вьетнаме, в Афганистане и иных регионах. В эти годы арсенал советологии пополняется новыми методами и приемами (критический анализ дискурса, когнитивные исследования, психолингвистический эксперимент, психоанализ, дискурсивные методики и др.). Именно в этот период европейская советология активно использовала методы и приемы исследования, характерные именно для европейской науки, в том числе для французской школы анализа дискурса, для континентальной (Германия, Нидерланды, Австрия) школы критического дискурс-анализа. В период разрядки между американскими и европейскими специалистами обнаружилось и существенные идеологические различия в оценке советского политического дискурса.

Четвертый этап относится к периоду перестройки и демонтажа советской системы, когда политические разногласия обострились уже внутри советской страны, а зарубежные консультанты все чаще начали выступать как эксперты по вопросам строительства новой политической системы в России. В эти годы активизируются сопоставительные исследования, начинается изучение роли концептуальных метафор в политическом дискурсе, постоянно обсуждаются новые политические термины (*перестройка, гласность, ускорение*) и особенности использования традиционных политических терминов (*правые, левые, демократизация, свобода* и др.), активно изучаются особенности индивидуальных стилей политических лидеров (особенно М.С. Горбачева). Различия между советской и западной политической коммуника-

цией в этот период часто воспринимались как временные, что нередко приводило к недооценке российских традиций и специфики политической коммуникации в нашей стране.

Пятую группу составляют исследования современного (с 1992 года) российского политического языка, которые, по-видимому, уже выходят за рамки советологии. В последние годы они нередко обозначаются зарубежными и отечественными специалистами как относящиеся к лингвистической «*постсоветологии*» (*post-sovietology*). Возможно, этот термин воспринимается как не вполне удачный, но его внутренняя форма хорошо отражает направленность соответствующих исследований: исследуется дискурс, который, во-первых, установился *после* советского, а во-вторых – сохранил многие *свойства советского* дискурса.

Можно предполагать, что лингвистическая постсоветология со временем, в результате последовательной утраты признаков советского дискурса перерастет в исследование российской политической коммуникации, что может получить и терминологическое закрепление в виде термина (например, возможно обозначение «лингвополитическое россиеведение»).

В Советском Союзе долгие годы считалось, что вся советология основана на невежестве и клевете на социалистическое государство, а советологи – малограмотные лжецы, клеветники и агенты вражеской разведки, изначально ненавидящие все русское и советское. Разумеется, среди советологов было немало людей недостаточно информированных, ослепленных ненавистью или сознательно зарабатывающих себе на жизнь заказными разоблачениями и страшилками. Среди академических советологов действительно нередко встречались ушедшие в отставку сотрудники специальных служб или иных государственных структур. Можно предположить, что эти люди сохраняли те или иные связи со своими прежними работодателями и поэтому транслировали официальную точку зрения на Советский Союз, который в течение многих десятилетий враждовал со всем западным миром.

Вместе с тем среди советологов были и талантливые ученые, которые, возможно, ошибались, но искренне стремились к объективности и смогли зафиксировать то, что оставалось скрытым для политически ангажированных авторов по обе стороны границы. Именно такие исследователи и заслуживают подлинной благодарности потомков. Следует, однако, подчеркнуть, что при обращении к публикациям западных специалистов практически всегда можно «вычислить» политическую ангажированность авторов, которая нередко проявляется в непосредственных обвинениях, негативных оценках и использовании всего арсенала манипулятивных приемов. К счастью, среди советологов всегда были специалисты, которые любили или хотя бы уважали нашу страну и изу-

чали советскую политическую коммуникацию с помощью объективных научных методов, используемых в современных гуманитарных науках.

Отметим также, что в США и иных западных странах некоторых советологов нередко подозревали в том, что они находятся под идеологическим влиянием коммунистической пропаганды и даже так или иначе связаны с советской разведкой и иными соответствующими организациями. Не секрет, что ученому в США (особенно в эпоху маккартизма) беспристрастно интересоваться СССР было настолько же небезопасно, насколько советскому исследователю проявлять непредвзятый интерес к Западу. С похожими проблемами сталкивались и западноевропейские ученые. Как отмечает Л. Франк, многие ученые, владевшие русским языком, боялись заниматься чрезвычайно политизированной советской проблематикой, предпочитая интересоваться темами, в которых они могли спокойно оставаться на почве научной объективности (например, размерами в ранней русской силлабо-тонической поэзии или немецкими переводами Антиоха Кантемира) [Frank 1965: 55]. Показательно, что одни и те же публикации нередко рассматривались на Западе как зараженные бациллами коммунизма, а в Советском Союзе – как грубые антисоветские пасквилы.

Подозрения в симпатиях к Советскому Союзу могли негативно сказаться на академической карьере ученого и его материальном положении, поэтому не следует думать, что западные специалисты, изучающие Советский Союз, всегда были абсолютно свободными, искренними и беспристрастными. Атмосфера вражды негативно сказывалась на научном дискурсе по обе стороны «железного занавеса», хотя степень зависимости, разумеется, была неодинаковой.

Необходимо подчеркнуть, что у истоков начального этапа развития лингвистической советологии стояли не академические ученые, а журналисты.

Уже в 1917 году в американской прессе появилось множество публикаций о событиях в России. Практически все журналисты положительно оценивали Февральскую революцию как освобождение от царской тирании, как переход к демократической системе власти. Октябрьские события уже не вызвали полного единодушия, но поначалу они оценивались преимущественно положительно и характеризовались как новый этап революции. Однако очень скоро произошло разделение на друзей и врагов советской России. Первые говорили о торжестве народовластия, вторые – о зверствах дикой необузданной толпы, подстрекаемой политическими преступниками. Красная Армия представлялась то как недисциплинированная шайка, которую в самом скором времени сметет народное восстание, то как вооруженный аван-

гард народа, сознательность которого гарантирует дисциплину. Как справедливо указывает современный российский специалист по истории, особенно негативно американцы относились к гражданской войне: большинство граждан США хорошо помнили о гражданской войне между южными и северными штатами [Тихий 2000].

В 1918 году вышла книга Луизы Брайант «Шесть месяцев в красной России», а год спустя появилась книга Бесси Биттик «Красное сердце Петрограда». По оценке советского специалиста Б. Гиленсона, «в этих книгах было немало верных и точных наблюдений, однако в них ощущалась известная импрессионичность манеры, чувствовалось, что их авторы поражены калейдоскопом сменяющихся событий, не всегда в состоянии точно уловить глубокие тенденции» [Гиленсон 1987: 334]. Публицистика этих авторов позднее активно использовалась в советологических исследованиях.

Вполне закономерно, что в Советском Союзе максимально высокую оценку и широкую известность получила книга американского публициста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (первой американское издание – март 1919 года; впоследствии книга была переведена на десятки языков и переиздана в самых разных странах). По существу, Дж. Рид показал технологию захвата власти большевиками, и в основе этой технологии было вовсе не вооруженное восстание и штурм Зимнего Дворца, а коммуникативные технологии – пропаганда и агитация. Как сообщает американский журналист, «день за днем большевистские ораторы обходили казармы и фабрики, яростно нападая на правительство» [Рид 1987: 42], обещая мир, землю и народовластие и проклиная врагов народа – капиталистов, контрреволюционеров и Керенского. Эту же мысль внушали своим читателям большевистские газеты, тираж которых постоянно возрастал. Яростные коммуникативные столкновения происходили на всевозможных митингах, собраниях, диспутах, съездах и конференциях. Американский журналист ярко продемонстрировал, что победа революции в 1917 году ковалась агитаторами и ораторами. Красная Гвардия и ЧК были созданы позднее. Подобные наблюдения представлены и в публикациях многих других зарубежных очевидцев российской революции. Это свидетельствовало, что революция и гражданская война в России начинались с коммуникативной войны. Российские технологии революционной пропаганды впоследствии тщательно изучались (а нередко – и применялись) специалистами из самых различных стран.

Сходную позицию по отношению к Советской России занимал знаменитый журналист, корреспондент газеты «Нью-Йорк пост» Альберт Рис Вильямс, который вполне оправданно считается первопроходцем в налаживании дружественных взаимоотношений между наро-

дами России и США. В 1919 году вышла из печати его книга «Ленин. Человек и его дело», позднее – «Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917–1918». По возвращении в Америку Вильямс активно выступал в защиту советской власти, агитировал против интервенции Соединенных Штатов на Дальнем Востоке, вел пропаганду большевистских идей, читая лекции и выступая на страницах газет и журналов.

Однако многие американские журналисты высказывали совершенно иную точку зрения на Октябрьскую революцию и писали об анархии и терроре, о беззаконии и продовольственном кризисе. Например, А. Буллард, побывавший в нашей стране как представитель американского Комитета общественной информации, опубликовал книгу «Русский маятник» (*The Russian Pendulum*, 1918), в которой говорит об ужасах революции и гражданской войны, о тяжелых условиях существования и резко критикует публикации Джона Рида.

Изданная в том же году книга Джозефа Дж. Мерето «Красный заговор» отличалась резкой критикой большевиков, осуждением их внешней политики, «автократизма» Ленина и его стремления «распространить большевизм на все остальные страны».

В 1927 году на праздновании десятой годовщины революции в Советском Союзе побывал Теодор Драйзер, который рассказал о своих впечатлениях в книге «Драйзер смотрит на Россию» (1928). Писатель много говорит об успехах революции, но не скрывает и негативных впечатлений.

Совершенно иную позицию занимал корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Москве (с 1921 по 1934 год) У. Дюранти, который в книге «Я пишу так, как мне хочется» (*I write as I please*, 1935) восхищался пятилетним планом и полностью поддерживал политику советского государства. Он резко осуждал западных журналистов, которые занимали антисоветскую позицию, писали о терроре, голоде и нарушениях прав человека.

Московский корреспондент «Юнайтед Пресс интернейшнел» с Юджин Лайонс сначала (1928 год) выступал как сторонник советских экспериментов, но в конце своего пребывания в нашей стране (1934 год) занял ярко выраженную антисталинскую позицию и жестко критиковал Советский Союз в книге мемуаров «Командировка в утопию», которая была опубликована в 1937 году.

Известный дипломат Джозеф Дэвис был послом США в Советском Союзе (1937-1938 гг.) и отразил свои впечатления в документальной книге «Миссия в Москву», которая отличалась просоветским характером.

В публицистических книгах, подготовленных журналистами и дипломатами, помимо прочего, содержится богатый фактический материал, много метких наблюдений над особен-

ностями российской (советской) политической коммуникации, а поэтому они могут рассматриваться как открывающие первый этап лингвистической советологии. Собственно научные исследования, для которых необходимы отточенная методология и некоторая «отстраненность», беспристрастность, принадлежали перу академических ученых.

К числу основоположников лингвистической советологии как науки и политической коммуникативистики в целом справедливо относят Уолтера Липпманна (1889-1974), который в годы Первой мировой войны писал пропагандистские листовки для армии союзников во Франции, а затем занялся изучением проблемы эффективности политической агитации и пропаганды. Многие его идеи уже давно воспринимаются как аксиомы и прописные истины, соответствующие исследования стали своего рода базой для формирования понятийно-терминологического аппарата политической лингвистики. Например, в современной науке активно используется предложенное У. Липпманном понятие «процесса определения повестки дня» (*agenda-setting process*), т.е. высвечивания в политической коммуникации одних вопросов и замалчивания других. Таким образом, ученый разграничил такие явления, как реальная актуальность той или иной проблемы и ее «значимость» в восприятии общества, а также охарактеризовал определение повестки дня как важный прием манипулирования политическим сознанием.

У. Липпманн разработал эффективную методику применения контент-анализа как инструмента для исследования общественных представлений о политике. В частности, еще в 1920 году У. Липпманн совместно с Ч. Мерцем опубликовали исследование корпуса текстов газеты «The New York Times», которые были посвящены Октябрьской революции в России [Lippmann, Merz 1920]. Анализ показал, что среднему американцу невозможно было составить сколько-нибудь объективного мнения о происходящих событиях ввиду антибольшевистской предвзятости публикуемых текстов. Это исследование продемонстрировало, что в большинстве текстов желаемое выдавалось за действительное (статьи убеждали читателей в скором крушении большевистского государства), не позволяя читателям делать собственные выводы и прогнозы.

Теоретические выводы У. Липпманн совмещал с практической политической деятельностью и оказывал влияние на принятие решений на самом высоком уровне. Так, будучи советником президента В. Вильсона, исследователь участвовал в составлении знаменитых «14 тезисов», в корне изменивших внешнеполитический курс США, в том числе и отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Вообще тесная переплетенность теории и практики, научно-академической и собственно политической деятельности – характер-

ная черта американской советологии. Из среды советологов вышли несколько Государственных секретарей, сенаторов, широко известных советников президентов США.

Важную роль в становлении лингвистической советологии сыграл Пол Лазарсфельд (1901-1976), активно занимавшийся изучением пропаганды (в том числе коммунистической) в Колумбийском университете. В 1937 г. он руководил исследовательским проектом по изучению воздействия радиовещания на американскую аудиторию. Впоследствии этот проект вылился в создание «Бюро прикладных социальных исследований» – исследовательского института, который занимался вопросами политической и массовой коммуникации. Вместе со своим коллегой Р. Мертоном П. Лазарсфельд разработал метод опроса фокус-группы, который применялся для сбора данных об отношении рядовых американцев к различным политическим проблемам, среди которых важное место занимало отношение к тоталитарным идеологиям и соответствующим режимам.

Среди ведущих американских советологов называют также профессора Гарольда Лассвелла (1902-1978), которому принадлежит заслуга значительного развития методики контент-анализа и ее эффективного применения к изучению языка политики. С помощью контент-анализа Г. Лассвеллу удалось продемонстрировать связь между стилем политического языка и политическим режимом, в котором этот язык используется. По мнению исследователя, дискурс политиков-демократов очень близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях языка власти. Языковые инновации предшествуют общественным преобразованиям, поэтому изменения в стиле политического языка служат индикатором приближающейся демократизации общества или кризиса демократии. Использование этой методики позволило сделать вывод о том, что политический язык советской элиты на протяжении двадцатых-сороковых годов все дальше и дальше уходил от демократических традиций.

Значительное место в творческом наследии Гарольда Лассвелла занимают исследования, посвященные коммунистической риторике. В 1939 году он совместно с Дороти Блюменсток издал книгу «World Revolutionary Propaganda: A Chicago Study» («Мировая революционная пропаганда: чикагское исследование») [Lasswell, Blumenstock 1939] (фрагменты на русском языке см. [Лассвелл, Блюменсток 2007]), которая начинается знаменитой фразой «Мы живем в век пропаганды». Столь важная роль, которую авторы приписывают пропаганде, связана с реальной социально-политической ситуацией, сложившейся в мире в 20-30-е гг. прошлого ве-

ка. Анализ, представленный Г. Лассвеллом и Д. Блюменсток, характеризуется детальностью проработки вопроса и целым набором ранее не применявшихся методов исследования, которые позднее вошли в методологический фонд зарубежной теории и практики политической коммуникации, но по ряду причин малоизвестны отечественным читателям.

Итак, на первом этапе развития американской лингвистической советологии ведущую роль играли журналисты и политики, которые создавали свои статьи и книги на основе личных впечатлений. Значительно позднее появились фундаментальные исследования, созданные по всем правилам академической науки.

Сопоставляя публикации исследователей из Европы и Америки, можно заметить, что до Второй мировой войны европейские специалисты обращались преимущественно к изучению изменений в системе языка, обусловленных революцией и новым политическим режимом. Они активно фиксировали семантические и лексические неологизмы, новые словосочетания и клише, отмечали изменения в стилистической окраске слов. Соответственно американские исследователи предпочитают рассматривать методы и приемы использования языка как средства воздействия, активно обращаются к прагматике речевой деятельности в политической коммуникации, умеют выделить наиболее существенные факты и ярко их представить.

Среди ведущих американских специалистов не было единства в антисоветской направленности: одни из них избегали прямых оценок, другие – писали о Советской России с заметной симпатией, третьи – были настроены критически и к политическому режиму и к его речевой практике. Едва ли не все советологи «первой волны» искренне любили Россию, хорошо знали ее историю и культуру, но их оценки часто носят субъективный характер, а их политические симпатии слишком сильно сказывались на характеристике советской действительности.

ЛИТЕРАТУРА

- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология. – Екатеринбург, 2009а.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология как научное направление // Политическая лингвистика. 2009b. № 3 (29).
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая постсоветология // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25).
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Эволюция лингвистической советологии // Политическая лингвистика 2007. № 3 (23).
- Гиленсон Б.А. А.-Р. Вильямс // Новая и Новейшая история. 1984. № 7.
- Касьянко В.И. Правда и ложь о Стране Советов. – М., 1987.
- Лассвелл Г., Блюменсток Д. Методика описания лозунгов // Политическая лингвистика. 2007.

№ 3 (23).

Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. – М., 1987.

Тихий К.Т. Американцы о стране Советов 1921-1933 гг. – Владивосток, 2000.

Третьяченко Е.А. Россия в восприятии политических и общественных деятелей США 1917-1945 // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. Выпуск 8. – Нижний Новгород, 2010.

Bourke-White M. Eyes on Russia. – New York: Simon and Schuster, 1931.

Davies J. Ed. Mission to Moscow. – New York:

Simon and Schuster, 1941.

Duranty W. I write as I please. – New York: Simon and Schuster, 1935.

Elias R.H. Theodore Dreiser: Apostle of Nature. – N. Y., 1949.

Frank V.S. Soviet Studies in Western Europe (Britain) // The State of Soviet Studies [Ed. by W. Laqueur, L. Labeledz] – Cambridge, MA: MIT Press, 1965.

Lasswell H., Blumenstock D. World Revolutionary Propaganda: A Chicago Study. – New York; London: Alfred A. Knopf, 1939.

Lippmann W., Merz Ch. A Test of the News // The New Republic. 1920. Vol. 33(2).

© Будаев Э.В, Чудинов А.П., 2010